

Александр АРЦИБАШЕВ

г. Москва

ПОДМАЛЕВОК

рассказ

I

Он не видел ее двадцать лет, и вдруг звонок. Знакомый голос прошелестел, словно сухая листва, тронутая ветерком:

- Не ожидал?
- Честно говоря, нет. Устал ждать, Оля...
- Прости.
- Что теперь об этом? Виноваты оба...
- Давай встретимся, – робко сказала она, задержав дыхание: – Больше не будет недомолвок. Я теперь смотрю на жизнь совершенно другими глазами...

Разговор был коротким. Не стал ни о чем расспрашивать ее, предложив сходить в театр. Сердце зашлось от внезапно нахлынувших воспоминаний: «Боже мой, расстались из-за какого-то глупого принципа! Какая она сейчас? Что толкнуло ее позвонить?»

Все эти годы Ольга упорно отказывалась от свиданий, выдумывая разные причины: то де-

ловые переговоры, то отъезд в командировку, то сборы в отпуск... «Не могу долго говорить, перезвони попозже!» – бросала привычное в трубку, и на этом связь обрывалась.

Набирал номер ее телефона через день, неделю, месяц, но повторялось то же самое. Она словно кружила в потемках, путая и себя, и его. Злился, досадовал, ревновал, однако продолжал звонить. Зачем? Сам не мог понять. Не получалось выбросить из памяти налитое упругое тело, влекущие нежные губы, туманно-синие, как можжевельные ягоды, загадочные глаза. Своей порывистостью, осторожностью, диковатостью она напоминала ему, заядлому охотнику, молодую степную волчицу...

С некоторых пор, не заставая Ольгу дома, он стал подолгу беседовать с ее матерью (ни разу не виделась, но та, оказывается, внимательно следила за его выставками и как будто симпатизировала ему), он надеялся, что родительница как-то повлияет на дочь: все-таки извест-

ный художник, публичный человек, в некоем роде знаменитость. Неудобно отмалчиваться.

Знала ли мать об их отношениях? Похоже, да. В старческом надтреснутом голосе проскальзывали горестные нотки: все у дочери могло быть иначе... Она так и не вышла замуж, не заимела детей, хотя купила квартиру в центре Москвы и жила уже своей волей. Это обстоятельство еще пуще распалило его, он напоминал о себе вновь и вновь, поздравляя то с днем рождения, то с Новым годом, то с женским праздником... Думал взять приступом. Увы, летели года, а она по-прежнему оставалась недоступной, как уходящая живая натура.

...Аникеев неспешно шагал по красноватому гравию Тверского бульвара, наслаждаясь остатним осенним теплом. Годы словно не брали его, выглядел молодо: высокий, сухопарый, жилистый; кожа упругая, не стянута морщинами, в темно-русых волосах ни сединки. Он знал, что нравится женщинам, и пользовался этим.

Истекал октябрь — его любимый месяц года. Небо было просторным и сквозным, лишь два небольших облачка жались к закату солнцу, светясь розовыми бутонами. Аникеев почему-то особенно дорожил этими божественными солнечными лучами предзимья, когда хотелось оттянуть приход ярых морозов и побыть подольше среди щемящей красоты увядания. Легкий ветерок срывал с деревьев отжившую золотисто-медную листву и, сбивая ее в вороха, гнал вдоль аллеи под ноги прохожим. Тихий шелест навевал грусть.

До начала спектакля «Женитьба», на который он купил билеты, оставалось больше часа. Вышел из мастерской заранее, чтобы еще раз все обдумать. Странной казалась эта встреча. С возрастом страсть поугасла, и хотя продолжал заглядываться на молодых женщин, но уже без вождения и азарта. После пятидесяти вроде как морозцем хватануло: сник, осунулся, помрачнел. В молодости, бывало, неделями пропадал у друзей, а в последние годы предпочитал быть больше дома. Поднялись дочь и сын, народились внуки. Куда от них убежишь? Да и не тянуло никуда.

С женой отношения оставались натянутыми: нет-нет да и припоминала ему давние измены, из-за чего случались скандалы, истерики, ухо-

ды к родителям. Не единожды подумывал о разводе, но что-то удерживало. Так и жили: без любви, тяги друг к другу, общих интересов — словно два листочка, прибитые к бережку поллой водой и готовые в любой момент оторваться, чтобы поплыть дальше врозь. Порой ему было жаль ее. Чувствовал за собой вину, терзался. Никак не мог понять: чем она его не устраивала? Но вот удивительно: после того, как стал ходить в церковь и исповедоваться, любовные интрижки всякий раз заканчивались ничем, будто сама Богородица отводила от греха.

...Мысли прервали голоса, доносившиеся с детской площадки под кронами раскидистых лип. Ребятишки облепили качели, норовя оттолкнуть друг дружку; молодые мамы стояли чуть поодаль и весело обсуждали что-то меж собой, не замечая толкотни. Аникеев улыбнулся: когда-то он жил неподалеку, в Леонтьевском переулке, и приходил сюда со своими детьми. Они так же вот дурачились, галдели, смеялись, а он смотрел по сторонам... «Господи, как промелькнула молодость! Бульвар совсем другой: запущенный, неприглядный, жалкий. Много одряхлевших деревьев, сушняка, широких прогалов...»

Взгляд выхватил высокие лиственницы у кованной чугунной ограды. «Откуда они здесь? Почему раньше не замечал? Как же им, должно быть, тяжело в этом удушье!»

По обеим сторонам тянулись вереницы машин; резко звучали сигналы, повизгивали тормоза, неприятно пахло гарью. Аникеев уткнулся лицом в шарфик, прибавил шагу. Неожиданно пришло в голову, что здесь запросто можно встретить кого-либо из бывших соседей. Позвонят домой, опять начнутся распросы... Меньше всего ему хотелось думать о неприятном.

Вспомнил, как познакомился с Ольгой. Стояло жаркое лето. Вокруг Москвы горели торфяники, город заволкло едкой дымкой. Народ спасался у воды. Однажды утром он поехал на своем «жигуленке» в Строгино. Искупался в заливе и тут же рванул назад. Миновал мост, увидел на обочине голосующую девушку. В ее силуэте было нечто интригующее. Притормозил. Очаровательная незнакомка попросила подвезти до Смоленской площади.

Почти по пути. Впрочем, повез бы ее куда угодно: уж больно хороша была собой! Ладный стан, округлые плечи, тонкие черты лица. Она села рядом и поначалу молчала, изредка поглядывая на часы.

— Торопитесь? — спросил он отстраненно, не поворачивая головы.

— Вообще-то да! — отозвалась девушка, изменив простое выражение лица на значительное.

— Суровый начальник?

— Да нет... Как-то не принято опаздывать.

— Наверное, режимный объект?

Она рассмеялась, взглянув на него с вызовом:

— Не верите?

— Красивых девушек нельзя допускать к секретам.

— Отчего же?

— Слишком чувствительны...

Ее глаза вспыхнули неподдельным любопытством:

— Вы что, знаток женских сердец?

От неожиданного вопроса он смутился:

— Не сказал бы... Но любовных романов начитался порядочно.

— А с виду совсем не производите впечатления наивного человека, — продолжила между тем она, поправляя на коленях сбившуюся юбку.

Краем глаза он успел разглядеть розовые предплечья, сквозившие в рукавах ее белой блузки. Не сразу сообразил, что ответить:

— Вы это к чему?

— Ну разве можно слепо верить всему написанному?

— Согласен: нельзя. А что читать?

— Серьезные книги. Например, «Литературные памятники».

— Не скучно? — усмехнулся он.

— Отнюдь! — подняла она голову. — Скажете, старо? Но уж так меня воспитали родители.

— А кто они?

— Папа был военным. Увы, умер. Мама — преподаватель истории. У нас приличная библиотека. Не представляю, как можно жить без книг.

— Да я, собственно, не против классики, — поспешил он исправиться: — Кстати, тоже собираю эту серию.

— Правда? — совсем по-детски взглянула она на него.

— Бывают же совпадения...

Выяснилось, что она выпускница Института международных отношений, работает в Министерстве иностранных дел. Живет вместе с матерью на улице Живописной. Почему разоткровенничалась? Вроде искорки пролетело между ними с первой минуты встречи, и оба потянулись друг к другу.

— А вы, кажется, художник? — обернулась она назад, где на сиденье лежал подрамник с натянутым холстом.

— Рисую немножко...

— И как успехи?

— Не мне судить.

— Где же можно увидеть ваши работы?

— На выставках... Очередная откроется в предстоящую пятницу на Кузнецком мосту, — сказал он совсем буднично.

— Персональная? — взметнулись вверх ее тонкие черные брови.

— Да. Собрал довольно большую коллекцию: масло, гуашь, акварели...

— Любопытно было бы взглянуть.

— Приглашаю... Придете одна или с кем-то?

— Конечно, одна.

— Чудно! Приглашение оставлю на входе.

— Обожаю живопись! — сказала она с придыханием. — Особенно без ума от французских импрессионистов: Сезанна, Матисса, Моне, Дега, Ренуара... Волшебные мазки, переливы струящегося воздуха, чудный колорит!

— Ого! Откуда такие познания? — вырвалось у него.

— В институте проходили курс по искусству: театр, кино, живопись, музыка. Учились этикету, бальным танцам, ритмике, пению...

— Ах да! Дипломаты обязаны быть во всем на высоте, — съязвил он.

— Но разве красота лишь удел избранных? — живоотреагировала собеседница, слегка покраснев.

Ему стало неловко:

— Совсе нет. Просто каждый воспринимает красоту по-своему. Вам вот по душе французские импрессионисты, а мне ближе Суриков, Кустодиев, Серов, Саврасов, Нестеров, Коровин... Особенно последний. Коровинские пей-

зажи — это блеск! Работал на контрастах: «что резче, что мягче», «ближе к натуре, меньше к себе»... Сколько в его картинах тепла, нежности, радости! Прослыл в художественной среде чудачком: подолгу жил в деревне, не сторонился простонародья, любил охоту. В его доме уживались одновременно собака Феб, заяц, петух и еж. К нему в деревню Охотину Ярославской губернии приезжали Шаляпин, Горький, Серов... После революции Константин Алексеевич эмигрировал. Оказался в Париже. В последние годы было особенно тяжело: продавал картины, чтобы купить лекарства... Сильно тосковал по России. Во Франции он был чужаком, и все окружение было чуждое. Неудивительно: там молятся идолам, а мы, русские, — святым угодникам... Великой силы был художник! Кстати, большинство его картин кем-то скуплены и ни разу не выставлялись на западных аукционах. Возможно, выжидают подходящую цену. Когда думаю об этом живописце, душу переполняют восторженные чувства! В чем-то даже подражаю Коровину...

Ольга недоверчиво покосилась на него:

— Тоже охотник?

— Да, люблю побродить с ружьем по лесу, заночевать где-нибудь в глуши.

— Не боязно?

— Ничуть.

— А я бы умерла от страха!

— Охота — дело сугубо мужское. Не зря в народе судачат: «Встретить женщину на пути в лес — дурной знак».

— Ну, это уж слишком!

— Так рядят мужики...

— Что ж, нам теперь разными тропками ходить? — выговорила она с оттенком обиды. — Мне кажется, в этом больше суеверия...

— Не буду спорить, — сдался он, глянув в зеркальце заднего вида.

Подъехали к Смоленской площади. Кругом висели запрещающие остановку знаки, однако решил рискнуть — лихо подкатил к парадному подъезду. В голове назойливо вертелось: «Спросить номер телефона или не выказывать сразу интерес?» Промолчал.

— Надо же, как скоро добрались! — оживилась Ольга, открывая сумочку.

Увидев в ее руках кошелек, он глухо выдавил:

— Я ведь не таксист...

Она сконфуженно убрала деньги:

— Извините, по привычке... Тогда до встречи на Кузнецком?

— Надеюсь, увидимся...

Ее полуоткрытые губы, изящные длинные пальцы, пленительные движения будоражили кровь. Выходя из машины, она резко мотнула головой, и темно-каштановая грива прохладной волной скользнула по его плечу. «Какие роскошные тяжелые волосы!» — восхищенно отметил он про себя, глядя ей вслед. Песочно-палевая юбка волновалась в такт ее шагам, подчеркивая стройность фигуры. Не трогался с места, пока Ольга не скрылась за высокими резными дверями.

II

Всю неделю думал только о ней, хотя много времени отняли развеска картин и организационные дела. Особенно нервничал в день открытия выставки. У входа собралась большая толпа. Слышался иностранный говор. Ему передали, что приехало несколько послов иностранных государств. Это было приятно. Вокруг крутились телевизионщики, фотокорреспонденты, репортеры. Ажиотаж подпитывался слухами о сенсационной экспозиции. Картины Аникеева пользовались успехом. Нередко портреты заказывали знатные особы. К тридцати двум годам он успел даже заработать скандальную репутацию резкими высказываниями. Жил не оглядываясь. По вечерам у него в мастерской, на Сретенке, допоздна засиживалась московская богема. Дома появлялся изредка, когда необходимо было передать жене деньги. Она покорно молчала, смирясь с участью домохозяйки.

...Толпа напирала. Зал не мог вместить всех желающих попасть на выставку. К Аникееву подходили какие-то незнакомые люди, жали руки, поздравляли, а он рассеянно оглядывался по сторонам, ища глазами ее. Понимал, что выглядит нелепо, но продолжал стоять у входа. Несколько раз выбегал на улицу. От гранитной брусчатки отдавало жаром. Или так пылало лицо? Наконец из-за угла показалась

знакомая фигура. Ольга тоже увидела его издали, помахала рукой. Подойдя к нему, сконфуженно произнесла:

— Извините, задержалась на работе... Мне нет пощады.

— Это уж точно! — хрипло выдал он, плохо скрывая досаду. — Ну, да ладно... Пошли скорей!

В фойе играл струнный квартет девушек в изящных концертных платьях; камерная музыка придавала атмосфере выставки особый колорит. Чинно прохаживались пары в элегантных нарядах, сновали туда-сюда студенты в джинсах и ярких майках, кучковались своим кружком коллеги-художники.

— Иван Александрович, куда же вы пропали? — кинулась наперерез запыхавшаяся администратор. — Публика волнуется...

— Иду, иду! — обронил он на ходу и, наклонившись к Ольге, шепнул: — После официоза будет фуршет. Не уходите...

Она выглядела в тот вечер необычайно обворожительно: светло-коричневая замшевая юбка подчеркивала округлость бедер, под тонкой желтой рубашкой выпукло выдавались груди молодой здоровой женщины, обута была в модные туфли на высоком каблуке, что делало ее выше и стройнее.

Публика сгрудилась в центре зала, где стоял микрофон. Началась торжественная часть. Выступавшие говорили лестные слова, вручали букеты цветов, обнимали, а ему не терпелось оказаться рядом с ней. Лихорадочно соображал: как сделать так, чтобы это не вызвало ни у кого излишнего любопытства? Жена рвалась на выставку, но он убедил ее остаться на даче с детьми.

Впрочем, и на банкете держался подчеркнуто в сторонке, выслушивая тосты, раздавая визитки. Лишь изредка бросал взгляды в конец стола, где стояла она. Наконец, улучив подходящий момент, подошел к ней с бокалом шампанского. Чокнулись.

— Ну, как впечатление?

— Всё необыкновенно! — зарделось румянцем ее лицо.

— Что-то особенно выделили?

— «Лесное озеро».

— Мое любимое место уединения!..

— Вот как! А где это?

— На Валдае... Езжу туда каждую осень еще со времен учебы в Суриковке.

Она отыскала взглядом картину, о которой зашла речь, и вздохнула:

— Сразу захотелось побывать там...

— А почему бы и нет? — подхватил он, загораюсь. — В начале сентября снова собираюсь туда... Могу захватить с собой.

— Предложение заманчивое... Надо подумать...

В гуле голосов их разговор никто не слышал, но ему стало неловко — лихо повернул на интимное... Спросил рассеянно:

— Торопитесь?

— Вообще-то поздновато...

— Готов подвезти.

— А как же гости? — оглянулась она вокруг.

Он пожал плечами:

— Не ночевать же здесь...

Ночная Москва затихала. Выехали на бульварное кольцо. В свете неоновых фонарей лицо Ольги выглядело еще более притягательным и загадочным.

— Не заважничаете, Иван Александрович, после столь грандиозного успеха? — повернулась она к нему, озорно блестя зрачками.

— Совершенно равнодушен к похвале, — соврал он, хотя в душе ликовал: «Завтра вся Москва будет обсуждать выставку... Ну, завистники, держитесь! А то им и рисунок слабоват, и композиция в провале, и цвет фальшивый... Теперь придется поприжать хвосты...»

Ольга будто прочитала его мысли, спросила как бы вскользь:

— А что, в среде художников тоже хватает интриг?

— Почему так решили? — насторожился он, сдвигая брови к переносице.

— Слышала, как спорили два бородача: один хвалил картины, другой ругал...

— У каждого свои пристрастия... Предпочитаю не ввязываться в склоки. Толку-то он них? Сам знаю, в чем слаб... Слава богу, есть у кого учиться! Потому и убегаю в деревню, чтобы не зачерстветь душой. В мастерской долго не засиживаюсь. Что увидишь в четырех стенах? В природе всё естественней и тоньше. Пейзажный снимок любой маляр сделает, а вот передать движение струящегося воздуха меж вет-

вей деревьев или божественное свечение облаков на закате — это куда сложнее. Меня притягивает простое: черные избы, провисшие прясла, покотины, полевые дороги...

Ольга, слушавшая его внимательно, тихо обронила:

— Теперь понимаю, почему оказались на том самом озере...

— О, это чудо! — воскликнул он. — Там есть глухой кордон, где лесником чудный старик Меркедоныч. Ему девяносто лет, но он все еще продолжает нести службу. Скор на ногу. У начальства к нему никаких претензий. Спроваживали не раз на пенсию. Только посмеивается: «Вот выберу век до донца, тогда и видно будет...»

— Прозвище такое, Меркедоныч?

— Не задумывался над этим... Меркедоныч и Меркедоныч...

— И что он?

— Забавный дед! Вроде бы из старообрядцев: суров, но душа мягкая... Мужики его уважают: за бутылку водки не купишь. В лесу полный хозяин. Начитан. С ним интересно говорить. Начнет травить байки — обхохочешься. А какая у него банька! Распаришься — и с мостков в воздух...

— Здорово! — воскликнула она, по-детски прерывисто вздохнув. Неожиданно поинтересовалась: — А можно сделать повтор той картины?

— Ну, конечно! — отозвался он живо, расценив ее слова как согласие поехать с ним на Валдай.

Ш

Бабе лето выдалось на редкость ярким. Всё вокруг пылало от чудных красок: солнечные лучи, путаясь в охре берез, алмазными брызгами рассыпались по глянцево-алебастровой бересте и, просачиваясь в нижний ярус, причудливо переплетались с багрянцем рябинника и бересклета; задорно рдели румянцем на взгорках молодые осинки, осанисто выступали из чащи клены в янтарных ризах, на пожелтой траве ворохами млело золото... Бирюзовое небо и прозрачный воздух ясного осеннего дня только усиливали восторг чувств.

До кордона добраться на машине не удалось.

Лесной волок был разъезжен тяжелыми грузовиками; в глубоких колеях стояла зеленоватомутная жижа. Вернулись в деревню, где закончился асфальт. Оставив «Жигули» в одном из дворов, пошли пешком. Предстояло отмахать с десяток верст.

Ольга была в модных джинсах, ладно сидящих на крутых бедрах, и в хлопковой ветровке, плотно обтягивающей выпуклую грудь. Вышагивала она как-то особенно женственно, что вызывало в нем сильное телесное возбуждение. Едва за скатом горы скрылись крыши крайних изб, он потянул ее за руку к себе. Она легко подалась, запрокинув голову. По плечам хлынули шелковистые волосы... Как же сладок был тот первый поцелуй! С трудом совладал с собою, устыдившись мысли: «Ну не в поле же...»

Шли чернолесьем. Тропинка петляла, заводя то в ложки, где пахло сыростью, то поднимала на гривки, откуда хорошо просматривались синие дали и где обдавало зноем; от движения тел потоки прохладного и горячего воздуха перемешивались, обостряя запахи хвои, коры, лесных трав.

Временами Аникеева охватывало смятение: «Ну чего удумал? Ведь старше девчонки на целых десять лет! Как мотылек стгорит в огне страсти... Может, остановиться?» Но плоть бунтовала, давили стыд и робость, позволяя себе все большее и большее.

Часа через два волок вывел на рощисть, спускающуюся к пологому берегу речной курьи, густо заросшей зеленой осокой. Тут был брод — перегоняли коров на остров; но прошел дождь, и вода сильно поднялась. Аникеев знал, что где-то в кустах должна быть лодка-осинка; разулся и полез в краснотал. Нашел долбленку с одним веслом и, подогнав к берегу, крикнул весело Ольге:

— Прошу пожаловать!

Она расхохоталась:

— Неужели это корыто выдержит нас обоих?

— Выдержит, — заверил он, — только ступай твердо, не раскачивай...

— Постараюсь...

Видя, что она вся напряглась, он спрыгнул с кормы и попридержал лодку за борт. Дождалься, пока Ольга усядется на перекладине, перетасил рюкзаки и не спеша отчалил.

– Видишь, плывем, – подмигнул ей, подгребая веслом то с одного, то с другого бока.

– Как ловко ты с лодкой-то! – с восхищением посмотрела она на него.

– Дело привычное... Но, бывало, и переворачивался... Тут совсем не глубоко...

– Нет-нет! Уж как-нибудь поаккуратней! – замахала Ольга обеими руками.

Впервые она заговорила с ним просто. Лодку слегка покачивало; в обе стороны плавно расходились небольшие волны, на которых колыхалась желто-зеленая ряска. Неожиданно из заводи выпорхнула стайка уток.

Ольга вздрогнула:

– Мамочка родная! Что это?

– Чирки, – усмехнулся он, провожая взглядом птиц.

– Напугали до смерти...

– Вот что значит жить в отрыве от природы!

– Говорила же, что я страшная трусиха.

– Ничего – пообвыкнешь...

Нос долбленки мягко уткнулся в глинистый берег. Он опять соскользнул в воду; ноги увязли в студенистом дне. Подпер веслом борт:

– Выбирайся!

– Там не топко? – недоверчиво покосилась она через плечо на заросший травой мысок.

– Прыгай подальше!

Охотно бы подхватил ее под коленки и вынес на берег, но сдержался. Ольга привстала, мелко перебирая ногами, двинулась вперед. Перед тем как прыгнуть, оглянулась:

– Учти, вымажусь в грязи – будешь сам стирать джинсы.

– Смелей! – подзадорил он, любуясь ее выгнутым станом.

Все обошлось. Взвалили на плечи рюкзаки и продолжили путь. До кордона оставалось каких-нибудь пять минут ходьбы. Аникеев потянул носом:

– Чую, у Меркедоныча ушица из судачка поспела.

– Не рассердится, что не один? – насторожилась она.

– Я предупредил по телефону.

– Все равно неловко.

– Пустое...

Вечернее сухое тепло приятно обволакивало разгоряченные лица. Воздух загустел, мерно

поскрипывали янтарные стволы матерых сосен. Близость жилья напомнила обоим, что они изрядно проголодались. Вскоре меж деревьев забелела полоска озера; за разлужьем обозначились крыши построек. Заслышав шаги, от ворот навстречу кинулся пес Жюля, тонко зазвонив на весь лес.

Лесник поджидал их, сидя на березовом чурбаке рядом с догорающим костерком. Высокий, благообразный, с испещренным морщинами иконописным лицом, он походил на монаха-отшельника. Добрый взгляд жидко-голубых глаз говорил о покладистом нраве. Цыкнув на кобелька, он вначале поздоровался с Ольгой и только потом протянул руку Аникееву:

– Доброго здоровьяца, Иван Лександрыч! Поди опять деньжата перевелись?

– С чего это ты взял? – уперся в него взглядом Аникеев.

Старик усмехнулся вкось:

– Твои ж слова: «Золото – к золоту липнет!» Помнишь, мекал когда-то разжиться на картинах, писанных тута. Говорил, что таких красот нигде в мире нет... А none-то, гляди, что деется вокруг! Уж на что я окоростовел, а нутро пробирает... Вот баских-то картин навалеешь!

– Не всё на продажу, Меркедоныч, – обнял он старика. – Иной раз хочется нарисовать что-то и для души...

Ольга тем временем молча поглядывала на озеро, привыкая к незнакомой обстановке.

– Нравится? – спросил ее лесник, когда взгляды их встретились.

– Чудная осень! – застенчиво произнесла она.

– Только бы туч не нагнало...

– А что, обещали дождь? Вроде небо ясное...

Меркедоныч рывком руки откинул козырек фуражки, посмотрел вверх:

– Господу не прикажешь... Ну да разоблачайтесь и давайте к столу.

– Хозяйка-то где? – поинтересовался Аникеев.

– Уехала в Тверь к внукам...

За ужином потекла неторопкая беседа. Меркедоныч больше вспоминал старое. Ему довелось служить еще в царской армии. Молодые годы, видимо, особенно запали в душу. Рассказывал живо, образно, разделяя слова:

– Вот уж не думал, что через голос в люди

выбьюсь... По прибытии на службу офицеры стали визнавать у нас, к чему имеем талант. Я и брякни: «Пел в церковном хоре...» Послушали меня и определили в запевалы. Как-то на учения приехал генерал. Прошли строем. Подозвал он меня к себе и говорит: «Ну, братец, с твоим тенором тебе в Императорском театре надо петь...» Откомандировали в Царское Село — в войсковой оркестр. Перед самим царем выступал... Тут война с Германией. Попал на фронт. В одном из боев рядом разорвался артиллерийский снаряд. Завалило с головой землей. Слава богу, откопали. Руки и ноги трясутся, язык будто чужой. Всё, думаю, отворачивался! А доктор осмотрел, обстукал и говорит: «Ничего, ничего, Минин, поправишься! Ты только будь поспокойней — трясушка пройдет...» И правда, понемногу оклемался. Грянула революция. Опять занесло в Петербург. Взяли меня в Оперный театр, но попеть арии не пришлось...

— Что случилось? — спросил Аникеев.

Меркедоныч полез в карман за сигаретами. Закурил. Чуть погода продолжил:

— Прошел слух, что в деревне землю будут делить.

— Ну...

— Вот и ну... Подался домой.

— Зачем же тебе нужна была земля, коль в артисты метил?

— О, тут такая каша заварилась! Большевики, кадеты, эсеры... Не поймешь, кто главней. С харчами стало трудно. Нет, думаю, надо в деревню возвращаться. Ну и уехал. А вскорости началась Гражданская война. В обрат в армию угодил. Теперь уж в Красную. И опять в запевалах. Так вот молодые годы и проскочили... Иной раз мужики подтрунят: «Не шави, где ты воевал? Однова песни пел...» Пропущу обидные слова мимо ушей. Рази им докажешь?

— Меркедоныч, а спели бы нам чего-нибудь, — попросила робко Ольга, распрямляя спину.

Он зыркнул на нее озорно:

— Могу... Голос ишо силен. Только песни мои больше старые...

— Как раз народное и хочется послушать, — поддержал Ольгу Аникеев.

Старик откашлялся, помедлив, затянул:

*Летел сокол через сад-кущину,
стал калину он клевать.*

*Любил казак молоду дивчину,
стал ее он зазывать...*

Голос у него был, как у певца Козловского. Пел проникновенно, душевно. До того расчувствовался, что по морщинистым впалым щекам потекли слезы. С последним звуком артистично уронил голову на грудь.

Они захлопали в ладоши. Меркедоныч пошевелил бровями, в мечтательном взгляде проскользнула печаль:

— По молодости все девки казались хороши. Долго подлаживался, выбирал... Это как цветы на лугу в межень лета: каждый бы сорвал, но охапку-то по жизни не понесешь!.. Тут уж смекай...

— А Расскажи-ка про санитарку, — хитро прищурился Аникеев, слышавший эту историю много раз, но с разными деталями.

Старик смутился, заерзал на чурбаке:

— Оно, поди, не к месту... Чего старое перебирать?

— Больно интересно... Не томи...

Он уперся локтями в колени, хрустнул пальцами:

— На Дону дело было. Деникин пер к Москве, ну а мы, значит, встречь. Рубились эта яро! Однажды шальная пуля пробила луку моего седла и рикошетом — чирк прямо в промежность. Адская боль, кровяща...

— Куда попала-то? — с серьезным видом подал голос Аникеев.

Меркедоныч дрогнул обеими лопатками. Покосившись на Ольгу, буркнул:

— Знаешь же куда...

— Запомятовал...

— В дрын еловый... Вот куда!

— Ну, и дальше?

Он выпустил струйку дыма, стряхнул с сигареты пепел:

— Сполз с коня. Подбежали санитары, положили на носилки — и в лазарет. Хирург глянул на рану и выматерился: «Нашла же, дура, куда угодить! Какого мужика испортила...» Сделали операцию. Лежу в госпитале неделю, другую. Затосковал: «Как же в деревню возвращаться? Лучше бы сразу убило...» Тут молоденькая са-

нитарка зачастила в палату. Звали Ньюрой. Годов восемнадцати — не более. Истинный ангелочек: голубые глазки, русая коса, веснушки по лицу. Поначалу без всякого внимания к ней; делает свое дело и пушай делает. Потом подмечаю: как-то по-особенному смотрит на меня — эдак ласково, жалостливо... Придет, бывало, и чего-то возится, суетится вокруг кровати. То возьмется пол мыть, а подол-то так подоткнет, что икры заголятся, или пуговичку на груди расстегнет — вроде жарко, — а мне-то видно в прорези розовое... Чувствую, забурилась кровь... Слово за слово, стали разговаривать, а потом и сблизилась... Подошла пора выписываться. Ньюра мне и говорит: «Давай сойдемся и будем жить как муж и жена...» А меня совесть гложет: дома-то был помолвлен с другой! Рассказал ей все начистоту. Она, конечно, пригорюнилась, но рассудила мудро: «Такая, видно, у меня судьба... Поезжай, но ежели невеста не примет, возвращайся ко мне...» Расстались грустно. По приезду в деревню сыграли свадьбу и наплодили потом с женой аж семерых детей. Видишь, как получилось! Доктор тот поспешил списать меня в инвалиды...

— Силен, Меркедоныч! — потрепал старика по плечу Аникеев.

— А чего тут особенного?

— Не скажи...

Какое-то время сидели молча. Угольки в костерке дотлевали, переливаясь сине-фиолетовыми язычками пламени.

— Ньюру-то не хотелось больше увидеть? — спросила грустно Ольга.

Старик отвел взгляд, насупился:

— Не раз вспоминал... Но чего поделаешь? Детей ведь не бросишь. От семьи, что от Бога, — свободы нет... А любовь, милая, без обиды не бывает... Счастье в чужой дом не принесешь, как воду в ведерке: где забьет родник, то великая тайна...

— Небось отцовского гнева побоялся, — подтрунил над стариком Аникеев. — У кержак на этот счет, знаю, было строго.

— Не без того, — признался Меркедоныч. — Старших уважали... И веру блюли, не то что ныне. Глянешь в церкви: только с десяток старушек на молитве. Что, все остальные праведники? Каяться не в чем?

— Согласен: озорства хватает...

— То-то и оно... Хотя и прежде молодежь выкидывала коленца! Свадьбы были не только «с добра», но и «уходом».

— Как это? — округлились глаза у Ольги.

— Обыкновенно: парень девку улестнет и был таков! Тайно обвенчаются, а после упадут в ноги родителям — просят прощения. Ну, и кончают дело миром... Исстари высматривали невест у воды. Соберутся на Иордан в водосвятие и глазами по сторонам шорк, шорк... Девки своим кружком, парни — где-то сбоку. Приглядываются, похохатывают. Вскоре сватов посылают... Свадьбы тоже играли не как зря, а по строгому обряду: запутывали следы, проезжая мимо церкви, дружка кнутом стегал, охраняя невесту, били горшки, встречая от венца («Где бьется — там и ведется!»), обсыпали молодых зерном и хмелем («жито — для жизни, хмель — для веселья!»), жгли куделю, бросали на пол солому (как невеста уберет избу?), требовали выкуп... Чего только не выдумывали! Обо всем и не упомнишь. Да кому это интересно?

— Напраслину зря не возводи, — возразил Аникеев. — Старина и сейчас в почете. Я вот коллекционирую древние монеты, самовары, колокольчики... Вошло в моду венчание. Слыхал?

— Что за мода? — взъерепенился Меркедоныч: — Раньше народ жил вековым укладом, глупостей не позволял, а ноне многие с гнильцой... Пьянки, гулянки, бесовщина. Тьфу!

— Не все же пьяницы...

Он хотел было сказать еще что-то гневное, но передумал, махнул рукой:

— Ладно, засиделись... Пора на покой.

Поднялся, придерживаясь за край стола. Уходя, обернулся:

— Банька, поди, выстоялась... Пойдете?

— Святое дело! — отозвался Аникеев, переглянувшись с Ольгой. Та растерянно заморгала ресницами.

— Веники, полотенца — всё на месте...

— Спасибо, Меркедоныч... Спокойной ночи!

— И вам того же...

На ночлег лесник разместил их в омшанике, куда на зиму ставил ульи с пчелами. Тесные сосновые стены, оконце с видом на плёсо, кровать, стол, табуретки. Аникеев облюбывал эту светелку еще с первого приезда сюда. Здесь

он чувствовал себя уютно: никто не тревожил, можно было спокойно поработать.

Оставшись одни, они тут же побежали к озеру. Огромное красное солнце уходило за лес; весело перекинулись в кустах пичужки, сухо шелестел у берега камыш.

— Искупаемся? — предложил он, протянув ей обе руки.

— Ой, а купальник-то забыла! — спохватилась она.

— Ну и что? Здесь никого нет...

— А ты?

— Я отвернусь.

— Ну ладно... Только не подсматривать. Угу?

Он отошел в сторонку. Перед глазами поплыл туман, сердце учащенно заколотилось. Слышал, как за спиной упали на траву джинсы, прощелестела снимаемая через голову майка, щелкнула застежка лифчика... Шаги и всплеск воды.

— Можешь посмотреть! — звонко крикнула Ольга уже издали.

Оглянувшись, он увидел, как она мощными саженками быстро удалялась от берега в сторону островка, густо заросшего черемухой. Сбросив одежду, рванулся вслед. Догнав ее, поплыл рядом, жадно лоя взглядом мокрые блестящие плечи, каждый взмах оголенных загорелых рук. На отмели она встала на ноги. Сквозь воду тускло просвечивало начало прелестных грудей. Волосы прилипли к шее, по щекам сбежали тонкие струйки, глаза возбужденно блестели. Ни слова не говоря, он подхватил ее на руки и, целуя, вынес на берег...

Возвратились на кордон, когда уже пала мгла. Уставшие, хмельные, счастливые. В черном небе высыпали алмазные россыпи звезд, только на западе брезжил зеленовато-прозрачный полусвет.

Аникеев оживил костер, подбросив в золу бересты. Спать не хотелось. Уселись на скамеечке, касаясь головами. Ольга была необыкновенно нежна и ласкова. Лежавший в ногах Жюля изредка приоткрывал сонные веки, будто прислушиваясь к их словам. Тихо потрескивали еловые чурочки.

Потом вспомнили о баньке. Ежась от обильно выпавшей росы, пошли посмотреть — не остыла ли? Он зачерпнул корцом воды из бадьи и плеснул на каменку. Лицо обдало паром.

— Вон еще сколько жару! Грех упускать.

— Ты попарься, а я подожду у двери, — сказала стыдливо Ольга, повернувшись к выходу.

— Стесняешься?

— Но ведь мы только первый вечер так близко... Не успела привыкнуть к тебе...

— Напрасно.

— Не сердись...

Жгло желание увидеть долгое девичье тело распластным на горячем полке. Неистово сек себя березовым веником, охая от блаженства, пока не зазвенело в ушах.

Выскочив нагишом из парилки, нырнул с мостков в протоку, над которой курился белесый туман. Тело словно пронзило тысячами иголок. Отплыл недалеко, оглянулся: в лунном свете причудливо серебрилась куга, на прибрежных кустах тлели фосфоритические огоньки светлячков.

— Ныряй! — крикнул он ей.

— Не холодно? — донеслось с берега.

— Вода теплая... Просто чудо!

На мостках забелело. Ольга соскользнула с настила и поплыла к нему. Поравнявшись, оперлась на его руку:

— Никогда не доводилось купаться ночью... И правда хорошо!

— А я что говорил, зазывая сюда?

— Что это твое любимое место уединения.

— Ну вот, убедилась... Посмотри, какая таинственная луна! А воздух? Дышишь полной грудью и не надыхнешься.

— Божественный уголок... Я так счастлива!

Он не дал ей договорить, стал исступленно целовать зябко напрягшуюся грудь, холодную шею, губы... Всю...

Потом долго грелись в бане. Раскрасневшаяся, мокрая, смущенная, она сидела на черном полке, прикрыв локтями розовые соски и низко опустив голову. Должно быть, самой не верилось, что столь откровенна с мужчиной.

Заснули под утро. Первой поднялась Ольга. Осторожно высвободилась из-под его руки и стала одеваться.

— Который час? — спросил он, протирая глаза.

— Полдень, — ответила она через плечо, улыбнувшись уголками губ.

— Да? Как будто только легли...

– Поднимайся живей! А то Меркедоныч бог весть что подумает о нас.

– Он на обходе. Вернется лишь к обеду.

– Все равно... Вставай! Хочется скорей на озеро.

Аникеев нехотя опустил ноги с кровати, потянулся за джинсами:

– Похоже, день будет солнечным... Возьму-ка с собой этюдник.

Ольга придвинулась к нему и обвила руками шею:

– А сколько времени уйдет на картину?

– Могу нарисовать быстро, но обычно не спешу... Сначала мне важно уловить настроенное, свет, полутени... Сделать эдакий подмалевок. Детали дописываю после.

– Значит, сегодня только подмалевок? – переспросила она, смущаясь его вожденного взгляда.

– Ну да... Впереди у нас целая неделя, успею.

– И что изобразишь?

– Пока не решил... Есть какие-то пожелания?

– Нарисуй, пожалуйста, остров, где мы были вчера...

Она запнулась, глаза повлажнили; на гладкой матовой шее забилась синяя жилка.

– Да, закат действительно был бесподобный, – сказал он в раздумье. – Блеск воды, поникшие кусты, серебристая лунная дорожка.

– Никто не догадается, что за всем этим стоит... Пусть это будет нашей тайной!

– Не возражаю... Разве название картине дать интригующее.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Интрига всегда завораживает...

День был опять великолепный. Купались, бегали по мокрому песку, грелись на солнце. Время от времени он брался за кисть, но рисовал урывками; присутствие за спиной Ольги в открытом купальнике мешало сосредоточиться – бросал работу и шел к ней. Лежали на пледе в душной траве и прислушивались к звукам леса. Вернулись на кордон поздно, Меркедоныч уже спал.

А наутро небо затянуло тучами. Зачастил пахнущий лесной свежестью дождь. Над верхушками деревьев быстро проносились черно-сизые

космы, будто стелились овчины. Стало зябко. Аникеев затопил печь. Надеялся, что непогода сменится ведром, но сверху лило и лило. Перед крыльцом образовалась огромная лужа, в которую вливался поток пузырящейся воды. От бесконечного шуршания по скату крыши Ольга приуныла. Ей, коренной москвичке, трудно было свыкнуться с бытовыми неудобствами; лицо ее становилось все растеряннее и растеряннее. Увидев в окне бредущего под дождем к озеру Меркедоныча, тяжело вздохнула:

– Жалко старика... Что его тут держит?

– Он ведь при деле, – отозвался Аникеев.

– Все равно не понимаю... Скучота.

– Но так жили его отец, дед, прадед...

– А вот дети убежали в город!

– Была бы здесь работа, возможно, никуда бы не уехали.

Она хмыкнула:

– Как сказать... Деревенские тоже не прочь пожить по-человечески.

– А ты думаешь лучше прозябать в бетонной городской клетушке? Асфальт, копоть, помойки... Совершенно оторваны от природы. Ты бы своего ребенка согласилась оставить на лето в Москве?

– Мне рано об этом думать...

– Ну, а в принципе?

– Сказать по правде: не люблю маленьких детей.

– Как же без них? – удивленно посмотрел он на нее.

Ольга отвела взгляд:

– Пеленки, распашонки, подгузники – это не для меня.

– Вообще не собираешься рожать?

– Во всяком случае, в ближайшем будущем... А что, тебе хочется ребенка?

Потупив взгляд, он выдал:

– У меня уже есть сын и дочь.

– Как? – встрепенулась она. – Почему же раньше молчал об этом?

– Боялся тебя потерять.

– Не лукавь. Просто скрыл... Вот влипла!

– Не заводись, – подошел он к ней и попытался обнять, но она резко увернулась.

– Не надо...

Аникеев не знал, что предпринять. Ольга продолжала стоять у окна, плечи ее по-стару-

шечи обвисли. Он ожидал этого вопроса, но не мог предвидеть столь резкой реакции.

— Давай спокойно все обсудим, — произнес глухо. — Я, конечно, виноват... Надо было сказать правду, но ты свела меня с ума своей красотой... Как же теперь быть?

— Нам придется расстаться, — сказала она намеренно твердо. — Принципиально против встреч с женатыми мужчинами.

— Но может, я разведусь...

— Нет-нет... Это будет больно для твоей жены. Зачем такая жертва?

— Я люблю тебя, Оля... Глупо рвать все из-за какого-то дурацкого принципа. Миллионы людей сходятся, расходятся и ничего!

— Ты полагаешь, разбить чужую семью — пустячок? Закроем тему! Хочу домой...

Она принялась поспешно собирать вещи. Анিকেеву стало ясно: уговорить ее остаться на кордоне еще на два-три денька не удастся. С ужасом представил, как будут добираться до машины по мокрой, ослизлой дороге.

Меркедонич почувствовал неладное, однако вида не подал, лишь погрузстнели глаза. Проводил их до реки, перевез на другой берег, трижды перекрестил и сказал просто:

— Ступайте с богом!

Обнялись. Никогда еще Анিকেеву не было столь тяжело расставаться с лесником. На повороте он оглянулся: старик все так же стоял с непокрытой головой и махал рукой. Это была их последняя встреча. Зимой Меркедонич умер. Кордон опустел.

IV

У Никитских ворот Анিকেев взглянул... на часы. Стрелки показывали половину седьмого. Темнело. С севера натягивало хмарь. Пора было двигаться к театру. Быстро перешел улицу, сгорая от нетерпения увидеть Ольгу. С тех пор, как они расстались, многое изменилось. Страна оказалась ввергнутой в очередную смуту: сменилась власть, поделили землю, растащили заводы и фабрики. Народу не оставили выбора: живи кто как может! Резко поменялись ценности: никакого интереса к живописи, литературе, театру — всему русско-

му. На уме у большинства одно: разбогатеть. Люди заметно деградировали.

От матери он узнал, что Ольга ушла из МИДа, устроилась в турецкую компанию, занимавшуюся вывозом из России минеральных удобрений. Бесконечные командировки, аэропорты, поезда, отели... Вряд ли коротала вечера в одиночестве. Звонил ей все реже и реже, но та восхитительная осень оставалась в памяти.

Ольга подъехала к театру на такси. С легкостью выпорхнула из машины и уверенно направилась к нему. На ней были легкое пальто, брючный костюм стального цвета, белоснежная рубашка. Моложавая, стильная, броская. Однако что-то в ее облике насторожило его. В движении бедер уже не было той грации, что будоражила раньше. Когда подошла поближе, обратил внимание на землистый цвет лица, припухлость век, морщинки у губ; нелепо выглядели взбитые волосы под лаком. Какая-то вся вылинявшая, опустошенная, блеклая... Это была уже не та Ольга, при виде которой он мгновенно возбуждался. Взгляд усталых глаз тускл, голова втянута в плечи, грудь усохла... Похоже, она уловила его смятение, натужно улыбнулась:

— Ну, здравствуй! Давно ждешь?

— Только подошел, — ответил он, будто споткнувшись. Застыл в нерешительности на ступеньках парадного.

— А ты мало изменился, — продолжила она, разглядывая его откровенно пристально.

— Не изработался... Это имеешь в виду?

— На самом деле — хорошо сохранился. Рада тебя видеть!

— Я тоже, — соврал он. — Ну что, пойдём?

Заняв свои места в зале, оба по-прежнему чувствовали себя скованно. Ольга уткнулась в программку:

— Ого, сколько «звезд»: Костолевский, Филиппов, Лазарев, Немоляева, Симонова... Давно не была в театре. Уж не с намеком ли пригласил на «Женитьбу»?

— Помилуй... Мне скоро пенсию оформлять!

— Не волнуйся! Пошутила... Ты доволен жизнью?

— Скорей смирился с обстоятельствами... А что у тебя?

Она уклонилась от прямого ответа:

– Измотали командировки...
 – Сама выбирала работу!
 – Это так... Нужны были деньги.
 – А счастье побоку? – вырвалось у него.
 – Думаешь, легко было уйти от тебя? – говорила она с укором, прикусив нижнюю губу. – Металась, ревела, ругала себя за упертость...

– Но осталась верна глупому принципу.
 – Да, Ваня... Считаю, что поступила честно.
 – Зачем же тогда позвонила?
 – Выдохлась... Устала от одиночества...

В это мгновение свет в зале погас, и разговор оборвался. Он смотрел на сцену, но мысли были совсем о другом: «Ну вот опять Богородица вмешалась... Как же так вышло, что обманулся в своих ожиданиях? Ведь чуть было не развелся с женой... Зачем? Чтобы прийти к этому печальному финалу? Любил ли я ее на самом деле? Скорей страсть обуяла, жаждал молодой плоти...»

Только сейчас до него дошел смысл слов, сказанных однажды приятелем-холостяком: «Не гневи Бога, Аникеев! Чего ты все мечешься, жалуешься на судьбу? У тебя жена, дети, есть куда прийти. А я вот развелся и жалею: не с кем поговорить, не к кому прислониться. Тоска...»

Заныла голова. Аникеев потерял виски. Краем глаза увидел, что Ольга тоже не смотрит спектакль. Лицо отстраненное, чужое. «Интересно, о чем она думает? Не ожидала холодного приема? Небось, жалует, что позвонила...»

Накануне ему приснился странный сон. Он ехал в метро. Необходимо было сделать пересадку. Долго поджидал поезд. На платформе собралась большая толпа. Ропот, ругня, гул. По громкоговорителю объявили, что электрички не будет. Попросили перейти на другую станцию. Народ повалил в какой-то темный тоннель. Редкие фонари, мокрые стены, затхлый воздух. Наконец очутились в каком-то заводском дворе. По бокам высились здания из красного кирпича, высоко в небо уходили дымящиеся трубы. Очередь к грузовому лифту: куда-то увозят людей... Аникееву почудилось во всем этом нечто зловещее. Отошел в сторону. Огляделся. Впереди бетонный забор, колючая проволока, охрана. Сзади то же самое. «Как бы от-

сюда выбраться?» – кольнула тревожная мысль. Мрачного вида рабочие загружали какие-то контейнеры в вагоны. Разговорился с одним из них. Лицо изможденное, обреченное. На вопрос, что за двор, грузчик болезненно усмехнулся: «Это – западня... Отсюда еще никто не убежал. Смотри, сколько этажей забито людьми! Все ждут решение своей участи...»

И тут он проснулся. Была глухая ночь, мерно тикали на столе заводные часы. В лунной млечности едва различались очертания предметов: книжных полок, картин, мебели. Долго не мог успокоиться. К чему сон? Вроде какого-то знамения...

Именно в этот день раздался Ольгин звонок. Аникеев вспомнил о подмалевке. Отыскал в кладовой холст, смахнул рукой пыль. Вспомнились кордон, лесное озеро, лунная ночь... Картину тогда так и не дописал, закрутившись в суетных делах, а потом и вовсе забыл про нее. Вдруг подумалось: «А может, съездить с Ольгой снова туда? Так ни разу и не побывал на могилке Меркедоньча...»

С этой мыслью он и пошел на встречу, но, увидев Ольгу, понял: она больше неинтересна ему как женщина.

Закончилось первое действие. Вышли в фойе. Аникеев рассеянно глянул по сторонам, его начинало тяготить общение с ней. Она тоже как-то враз сникла, нервно теребила дрожащими пальцами ремень сумочки.

– Тебе нездоровится? – спросил он, коснувшись ее руки. Ладонка была горячей.

– Кажется, простудилась, – ответила она, улыбаясь через силу. – Еще днем почувствовала недомогание...

– Позвонила бы... Перенесли бы встречу на другой день.

– Думала, переборю хворь... Может, уйдем отсюда? Посидим в каком-нибудь ресторанчике...

– Дышать табачным дымом? – взорвался он.

– Не везде же курят...

– Нет, Оля, в рестораны давно не хожу... Не могу видеть тупые рожи. На машине-то перестал ездить, дабы не сталкиваться с идиотами...

Она еще больше помрачнела, догадавшись об истинной причине отказа. Вздохнула со всхлипом:

— Тогда поеду домой...

Они молча спустились в гардероб. На улице шел дождь со снегом, дул пронизывающий ветер. Аникеев с жалостью посмотрел на нее: «Как бы и впрямь не слегла...»

Перешли на другую сторону Большой Никитской. Стали ловить такси. Брызги от машин промочили туфли. Наконец рядом притормозила черная иномарка. Ольга переговорила с водителем и, обернувшись к Аникееву, обронила с горькой усмешкой, едва сдерживая дрожащие губы:

— А знаешь, я ведь предчувствовала, что на подмалевке все и закончится...

Дверца хлопнула, как сухой выстрел. Машина резко взяла с места и вскоре исчезла из виду. У него было такое ощущение, будто совершил подлость. Застегнув на все пуговицы плащ, он тронулся в сторону бульвара, продолжая думать о ней: «Наверняка душит обида... Чего ей стоило переломить себя. Надеюсь, что по-прежнему люблю? Увы, мираж рассеялся... Не вратъ же, если никакой любви нет. А у других она есть? Либо муж изменяет, либо у жены любовник... Клянуся: счастливы! Как все это нелепо и мерзко...»

Дойдя до Никитских ворот, он свернул в Леонтьевский переулок. Здесь были знакомы каждый двор, каждый подъезд. Остановился у ворот дома, где когда-то покойные родители провожали их с женой в Грибоедовский Дво-

рец бракосочетаний. Был морозный январь, в воздухе кружили снежинки. Мать всплакнула: «Снег на дорожку — это к счастью...»

Аникеев скрипнул зубами, кольнуло в груди. Прислонясь к столбу, простонал:

— Ну почему всё так бесполово? Жизнь изодрана в клочья... Какой же я подлец! Прости, мама... Разве теперь отмолить грехи?

Домой в этот вечер он не поехал. Вернувшись в мастерскую, достал из бара бутылку коньяка, наполнил граненый стакан и залпом осушил до дна. Потом тяжело опустился в кресло, стоявшее перед мольбертом с незавершенным пейзажем, и вскоре впал в забытие. В таком положении просидел до утра. Сквозь дрему откуда-то явственно доносился волчий вой. Протяжный, тоскливый, леденящий... Открыл глаза: под окном скулила бродячая собака. Он вскочил на ноги и с необъяснимой звериной яростью захлопнул форточку.

□

Александр АРЦИБАШЕВ

родился в посёлке Калья на Северном Урале.

В литературе всерьёз заявил о себе в начале 80-х годов прошлого века как публицист в журналах «Наши современники», «Москва».

Автор книг: «Дождаться яблоневого цвета», «В той неброской сторонке»,

«Посвяти земле жизнь», «Крестьянский корень»,

«Стаканчики граненые», «Прости, отец», «Бриллианты Шаляпина».

В 2003 году вышел двухтомник «Избранное»,

в 2007-м — «По Ивдельской дорожке».

Лауреат литературных премий

Н. Островского, М. Алексеева, В. Овечкина и других.

Заслуженный работник культуры РФ,

секретарь правления Союза писателей России.

